

рены Богом в материи, и каждая из них соответствует причинному разуму (*ratio causalis*) в божественной мысли. Можно прийти к унынию оттого, что Фишекр приписывает эту доктрину Аристотелю: «*patet quod Augustinus est hujus ejusdem opinionis cum Aristotele*»*. Его поэтика вдохновлена поэтикой Августина и, возможно, Гильома Оверньского. Всякое знание происходит не от воздействия объекта на душу, но от способности души уподобляться объекту через имитацию (*per imitationem*). Это означает, что, как говорили Августин и платоники, все истины вписаны в душу, где они усыплены, и достаточно только пробудить их. Фишекр, впрочем, полагает, что и здесь Аристотель не сказал ничего иного, однако его аристотелевская экзегеза — безнадежное предприятие. Если однажды приняты подобные принципы, то для него нет ничего легче, чем раскрыть в виде доказательств скрытое знание, полученное нами от Бога. Его не только полностью удовлетворяет аргумент св. Ан-сельма «*id quo majus cogitari non potest*»**, но он предлагает доказательство, изобретенное им самим, которое представляется еще более прямым и простым: «Если бы вещь была абсолютно проста, она не отличалась бы от своего существования, она обладала бы существованием и чем-то еще, но тогда не была бы абсолютно простой. Следовательно, если бы вещь была абсолютно проста, она бы существовала; но абсолютно простое абсолютно просто: значит, оно существует (*sed simplicissimum est simplicissimum: ergo est*)». Вероятно, нет необходимости публиковать «Комментарии к Сентенциям» Фишекра. Оксфордские доминиканцы, по-видимому, в чем-то засомневались, так как назначенный ими в 1248 г. его преемник получил степень магистра искусств в Парижском университете. Это был Роберт Килвордби, занимавший доминиканскую кафедру теологии с 1248 по 1261 г.; в 1272 г. он был избран архиепископом Кентерберийским, в 1278 г. назначен кардиналом и умер в Ви-тербо в 1279 г. Изучать его гораздо инте-

Глава VIII. Философия в XIII веке

366

реснее, чем Фишекра, прежде всего потому, что это — ум более высокого класса, а также потому, что он явно принадлежит к тому же поколению, что и Фома Аквинский, то есть к эпохе, когда еще можно было отвергать учение Аристотеля, но уже нельзя было считать его практически тождественным учению св. Августина. Килвордби был автором целой серии комментариев — к сочинениям Порфирия, к «Органону» Аристотеля, а также к следующим трактатам: «Физика», «О небе и мире» («*De caelo et mundo*»), «О возникновении и уничтожении» («*De generatione et corruptione*»), «Метеоры», «О душе» («*De anima*») и «Метафизика». Эти произведения, как и «Комментарий к Сентенциям» еще не изданы и недостаточно изучены. Хотелось бы знать, сопровождалось ли возвращение Килвордби в Оксфорд возвратом к августинизму или он до конца жизни следовал принципам, сформировавшимся во время его пребывания в Париже. Второе предположение более правдоподобно, так как он вернулся в Англию незадолго до 1230 г., когда в Парижском университете был очень высок авторитет Гильома Оверньского. Но во всяком случае очевидно, что сколь бы хорошо Килвордби ни был знаком с учением Аристотеля и какие бы уступки ему ни делал, он желал сохранить в Оксфорде — посредством преподавания, а при необходимости и с помощью архиепископской власти — традицию св. Августина.

Само название его трактата «О начале наук» («*De ortu scientiarum*») напоминает аналогичный труд Гундиссалина. Это — классификация наук, вдохновленная классификацией Аристотеля и развитая в общее введение в философию, где в некоторых местах угадывается личная позиция автора; эта позиция укрепляется в «Комментарии к Сентенциям». Кроме того, недавно были опубликованы и изучены некоторые